

Желаете прочитать на 15 глав вперед? Заходите на Патреон (англ. версия)

[<https://www.patreon.com/fictiononlyreader>]

Он оглядел странную комнату, и в его мозгу словно отсутствовали мысли. Будто бы он настолько преисполнился в своем познании, освободившись от случайных мыслей о мирских желаниях и сотнях вопросов, о которых каждый беспокоиться... или, как в его случае, от всех мыслей.

Его взгляд блуждал по лекционному залу с наклонным полом и многоуровневой рассадкой, так что сидящие сзади располагались выше, чем сидящие впереди, что позволяло каждому видеть лектора - человека, стоящего за трибуной перед черной доской и пишущего мелом, который издавал постукивающие звуки при каждом ударе твердым кусочком мела о грубую поверхность. Поскольку в аудитории находился преподаватель, естественно, были и студенты, сидевшие за своими партами, и он был среди них. Ученики выглядели совсем юными - правда, он не мог определить, насколько, по одним затылкам.

Он занимал место далеко от доски и сидел ближе к задним рядам. Он не знал, сидит ли он в конце, поскольку не имел понятия о том, что находится за его спиной. Его мышцы шеи, казалось, не могли функционировать, да и он сам не хотел оборачиваться. Двигались только глаза, позволяя ему видеть странное и незнакомое перед ним зрелище.

Шарканье. Какое-то движение рядом с ним уловило его периферийное зрение. Всё его тело дернулось, когда он подпрыгнул со своего места на длинной скамье. И это, казалось, развязало путы, сковывающие его тело. Вдруг он ощутил свои липкие ладони, одежду, прилипшую к вспотевшей спине, затылок, на котором волосы казались намокшими, а ноги тряслись, словно стремясь вызвать землетрясение. Благодаря прочной мебели на него никто не обратил внимания. Его сердце, казалось, черпало вдохновение из ног, так как потом и оно заколотилось, как у наркомана на адреналине. А когда он поднял руку с целью вытереть каплю пота, стекающую по лбу, то обратил внимание на учащенное дыхание.

Разум последовал за телом, и тут прорвалась плотина, из которой сотни мыслей хлынули внутрь. Где он? Как он сюда попал? Почему он не мог вспомнить, как оказался здесь? Кто все эти люди? Вроде он находится в классе, так почему же он никого не мог узнать? Где он находился до этого? Почему он ничего не помнит?!

Его дыхание сбилось в дыхательных трубках, когда один вопрос вытеснил все остальные.

...Кто он?

Ему было жарко, словно его подожгли, голова ощущалась слишком тяжелой, а глаза просто горели. Сидеть с прямой спиной неудобно, опираться на спинку скамьи - еще хуже, а опустив

голову на парту, становилось трудно дышать. Большое помещение казалось маленьким и тесным, и все, чего ему хотелось, так это выбежать на улицу и вдохнуть свежего воздуха.

- Такума.

Голос прорвался сквозь гул в ушах, а от всех мучений словно след простыл, будто их и не было. Он поднял голову и увидел, что учитель смотрит в его сторону... нет, учитель смотрел прямо на него. Как он его назвал?

Такума - звучит знакомо. Это же его имя, да?

Такума... Такума... Такума...

- Такума.

НЕТ! Это не его имя. Точно не его - тогда почему оно звучало так... естественно. Почему?

И после занавес был отдернут, всё, что скрывалось за ним, открылось пред ним. Накатились воспоминания. Он узнал, кто он. Ужас перед невозможностью вспомнить что-либо отступил - но страх перед неизвестностью всё также нависал над ним, будто заточенная гильотина, что готова отрубить ему голову. Он не должен находиться здесь.

- Такума!

Наконец, он отреагировал, вскочил и встал по стойке смирно. - Да, - сказал он. Он не знал почему, но имя инстинктивно заставило его откликнуться, даже если оно было не его.

Учитель стоял с нахмуренными бровями и сжатыми губами в тонкую белую линию. Он чувствовал и видел, как на него смотрят ученики: одни хихикали, находя его затруднения смешными, пока другие оставались наблюдателями.

- Ты заснул на уроке, Такума? - недовольно спросил учитель.

Голос в его голове прошептал: "Кибэ-сэнсэй". Это имя принадлежало учителю, он знал интуитивно. (Kibe-sensei)

- Нет, - сказал он. Стоп. Слово, что вырвалось из его рта, казалось неправильным. Он знал всего два языка, но говорил сейчас на совершенно другом. Он сглотнул и отчетливо ощутил во рту язык, который произнёс слово с такой легкостью и естественностью, без малейшего намека на неловкость, будто он являлся коренным носителем этого неведомого языка.

- Тогда подойди к доске и реши эту задачу, - сказал Кибе, слегка стукнув по доске рядом с проблемой, написанной розовым мелом.

Что-то принуждало, руководило, подталкивало его изнутри, нечто, находящееся на краю его внимания, на грани, но недостижимое. Оно мешало ему отступить от притворства и поддаться бурлящей яме эмоций, образовавшейся в области между сердцем и желудком. Он не мог понять, что там написано, когда его взгляд впервые обратился к доске. На долю секунды он не распознал символов, но прежде, чем началась паника, он вдруг понял, что значат все каракули на доске - правда, в отношении пары знаков у него были сомнения, но они прояснились в контексте.

Символы на доске не являлись буквами, они представляли собой своеобразные начертания идеограмм - еще одна вещь, чуждая ему, но в то же время такая знакомая. Он вышел из-за парты и начал спускаться по ступенькам наклонного пола. К счастью, он сидел в самом углу, и ему не пришлось испытывать неловкость, прося других пододвинуться, чтобы он мог пройти.

Его сердцебиение учащалось с каждым его шагом, приближаясь к передней части класса. Он смотрел прямо перед собой на доску, приметив, что она скорее темно-зеленая, нежели черная, боясь, что если он посмотрит кому-нибудь в глаза, то они сразу заметят, что что-то не так. Он также не осмеливался оглянуться, опасаясь, что все глаза устремлены на него... с подозрением.

Пол поднимался в передней части, формируя невысокую сцену с подиумом и двумя досками, образующими одну длинную. Он подошел к доске, пока Кибе отошел в сторону, приглашая его решить вопрос. Еще раз взглянув на задачку, он обнаружил то, что четко распознал без всякого внутреннего конфликта. Незнакомый ему язык сопровождался арабскими цифрами. Они были маленькими, но сам их вид успокоил его.

Он взял белый кусочек мела с емкости под доской и отступил назад дабы полностью изучить розовый вопрос. Это была математическая задача, которая состояла из деления - все было просто. Почувствовав уверенность, он шагнул вперед и начал расписывать решение. Оно оказалось настолько несложным, что, потратив некоторое время, он смог бы решить его и в уме, но проще было найти ответ в письменном виде. Он прописал каждый шаг по методу деления, так как он находился в классе, и от него ожидали "полного решения"... или, по крайней мере, так его учили.

- ... Правильно, - сказал Кибе, увидев расписанное решение, будучи слегка удивленным. - Хорошая работа, теперь можешь вернуться на своё место.

Он быстро кивнул Кибе и с радостью последовал его словам. Он повернулся назад и уже собирался двинуться с места, как кое-что заметил. Всё произошло на автомате, неосознанно, вне его контроля, и не успел он это понять, как его глаза расширились, и он снова посмотрел на Кибе. Тот был одет в зеленый жилет, под которым сидела синяя кофта с длинными рукавами и высоким воротом, и такого же цвета брюки в 3/4 длины с обмоткой из бинтов, покрывающих остальное расстояние до сандалий с открытыми пальцами. Но не наряд привлек его внимание, а металлическая вещица, прикрепленная к левому рукаву Кибе - на ней был выгравирован

лист, причем стилизованный.

Он счел бы наряд Кибе косплеем, вот только если бы не тот факт, что он вдруг оказался в незнакомом месте, где неожиданно смог говорить и читать на незнакомом языке, и что каким-то образом он знал имя учителя.

В его сознании сформировалась пугающая мысль, когда он понял, на что указывают все факты в сложившейся ситуации. Он не хотел опускать глаза и осматривать себя, так как не знал, как отреагирует, если подозрения окажутся верными.

- Что-то не так, Такума? - спросил Кибе, продолжая смотреть на него.

Такума. Одно только обращение Кибе к нему по этому имени было похоже на удар по его психике, пытавшейся принудить его принять ситуацию.

- М-можно отойти? - спросил он, его голос сорвался на полуслове.

Ему показалось, что взгляд Кибе задержался на нём слишком долго. Неужели его спалили? Но тут Кибе бесстрастно сказал: - Вперед, только не задерживайся.

Он не знал, как добрался до туалета. Он просто следовал за своими ногами, и они вели его по неизвестным коридорам, которые казались знакомыми какой-то части его сознания, пока он не оказался перед большими зеркалами над раковинами. Отражающая поверхность зеркала показала то, чего он и боялся.

В отражении был виден молодой подросток с черными волосами и глазами - и снова он почувствовал ужасное ощущение, где его разум разделился между знакомым и незнакомым обликом. Лицо в зеркале было не его, и все же он знал, кто это - Такума. Но кто же такой Такума? У него не было ни малейшего понятия.

(Только молодая версия Юты)

Он повернулся назад, вбежал в одну из туалетных кабинок, наклонился, прежде чем выплеснуть содержимое своего желудка в унитаз, а затем сделал это во второй раз, полностью опорожнив всё, что находилось внутри его тела. Он так бы и сидел рядом с сортиром в ошеломленном созерцании, если бы не запах и вкус рвоты во рту. Он привел себя в порядок и, не задумываясь, побрел по коридорам здания, рассеяно рассматривая обстановку, в которой оказался. По пути он наткнулся на большую доску объявлений со множеством бумаг, наклеенных на неё. На каждой бумажке были надписи небрежного почерка, словно их автором является ребенок.

[Шиноби должен видеть скрытый смысл в скрытом смысле]

[Шиноби должен быть готов до того, как станет слишком поздно]

[Шиноби никогда не должен проявлять слабости]

[Шиноби должны следовать инструкциям своего командира]

Он некоторое время смотрел на них, а затем пошёл дальше, пока каким-то образом не выбрался из учебного заведения. Он посмотрел вдаль, на четыре лица, высеченные на склоне большой скалы - казалось, что лица смотрят на город и его жителей.

Уже нельзя отрицать тот факт, где он находится. Он знал только два места с ликами, высеченными в горах, и лица перед ним никак не были похожи на президентов некой страны - так что методом исключения остается только один вариант.

Конохагакурэ, или просто, Деревня Скрытого Листа.

- Я в Наруто, - сказал он себе, ощущая, как неправильно звучат эти слова в его устах. Он посмотрел вниз на молодые ручки, на которых уже образовались мозоли - они были так не похожи на его собственные. После он вспомнил образ, увиденный в зеркале. - И я - Такума.

Он не знал, как и почему это происходит с ним.

Он знал только две истины:

Он в Наруто.

И его зовут... Такума.

<http://tl.rulate.ru/book/79727/2454035>